

О НАПРАВЛЕНИИ НАШЕЙ ПОЭЗИИ, ОСОБЕННО ЛИРИЧЕСКОЙ, В ПОСЛЕДНЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

Решаясь говорить о направлении нашей поэзии в последнее десятилетие, предвижу, что угожу очень немногим и многим против себя вооружу. И я наравне со многими

* Это как если бы кто-то сказал, что я добродетелен (франц.). —
Ред.

мог бы восхищаться неимоверными успехами нашей словесности. Но льстец всегда презрителен. Как сын отечества, поставляю себе обязанностью смело высказать истину.

От Ломоносова до последнего преобразования нашей словесности Жуковским и его последователями у нас велось почти без промежутка поколение лириков, коих имена остались стяжанием потомства, коих творениями должна гордиться Россия. Ломоносов, Петров, Державин, Дмитриев, спутник и друг Державина — Капнист, некоторым образом Бобров, Востоков и в конце предпоследнего десятилетия — поэт, заслуживающий занять одно из первых мест на русском Парнасе, кн. Шихматов, — предводители сего мощного племени: ¹ они в наше время почти не имели преемников. Элегия и послание у нас вытеснили оду. Рассмотрим качества сих трех родов и постараемся определить степень их поэтического достоинства.

Сила, свобода, вдохновение — необходимые три условия всякой поэзии. Лирическая поэзия вообще не иное что, как необыкновенное, то есть сильное, свободное, вдохновенное изложение чувств самого писателя. Из сего следует, что она тем превосходнее, чем более возвышается над событиями ежедневными, над низким языком черни, не знающей вдохновения. Всем требованиям, которые предполагает сие определение, вполне удовлетворяет одна ода, а посему, без сомнения, занимает первое место в лирической поэзии, или, лучше сказать, одна совершенно заслуживает название поэзии лирической. Прочие же роды стихотворческого изложения собственных чувств — или подчиняют оные повествованию, как-то гимн, а еще более баллада, и, следовательно, переходят в поэзию эпическую; или же ничтожностью самого предмета налагают на гений оковы, гасят огонь его вдохновения. В последнем случае их отличает от прозы одно только стихосложение, ибо прелестью и благозвучием — достоинствами, которыми они по необходимости ограничиваются, — наравне с ними может обладать и красноречие. Ода, увлекаясь предметами высокими, передавая векам подвиги героев и славу отечества, воспаряя к престолу неизреченного и пророчествуя пред благоговеющим народом, парит, гремит, блещет, поработывает слух и душу читателя. Сверх того в оде поэт бескорыстен; он не ничтожным событиям собственной жизни радуется, не об их сетует; он вещает правду и суд промысла, торжествует о величии родимого края, мечет перуны в сопостатов, блажит праведника, клянет изверга.

В элегии — новейшей и древней — стихотворец говорит об самом себе, об *своих* скорбях и наслаждениях. Элегия почти никогда не окрыляется, не ликует: она *должна* быть тиха, плавна, обдуманна; должна, говорю, ибо кто слишком восторженно радуется собственному счастью — смешон; печаль же неистовая не есть поэзия, а бешенство. Удел элегии — умеренность, посредственность (Горациева *aurea mediocritas* *) **.

Son enthousiasme paisible
N'a point ces tragiques fureurs;
De sa veine féconde et pure
Coulent avec nombre et mesure
Des ruisseaux de lait et de miel,
Et ce pusillanime Icare
Trahi par l'aile de Pindare
Ne retombe jamais du ciel! ⁵

Она только тогда занимательна, когда, подобно нищему, ей удастся (сколь жалкое предназначение!) вымолить, выплакать участие или когда свежестью, игривою пестротой цветов, которыми осыпает предмет свой, на миг приводит в забвение ничтожность его. Последнему требованию менее или более удовлетворяют элегии древних и элегии Гётевы, названные им Римскими; но наши Греи ⁶ почти *** вовсе не искушались в сем светлом, полуденном роде поэзии.

Послание у нас или та же элегия, только в самом невыгодном для ней облачении, или сатирическая замашка, каковы сатиры остряков прозаической памяти Горация, Буало и Попа, или просто письмо в стихах. Трудно не скучать, когда Иван и Сидор напевают нам о своих несчастьях; еще труднее не заснуть, перечитывая, как они иногда в трехстах трехстопных стихах друг другу рассказывают, что — слава богу! — здоровы и страх как жалеют, что так

* Золотая середина (лат.). — Ред.

** Вольтер сказал, что все роды сочинений хороши, кроме скучного; он не сказал, что все равно хороши ². Но Буало, верховный, непреложный законодатель в глазах толпы русских и французских Сен-Моров и Ожеров ³, объявил:

Un sonnet sans défaut vaut seul un long poème! ⁴

Есть, однако же, варвары, в глазах коих одна отважность предпринять создание эпопеи взвешивает уже всевозможные сонеты, триолеты, шарады и — может быть, баллады. — Соч.

*** Барон Дельвиг написал несколько стихотворений, из которых, сколько помню, можно получить довольно верное понятие о духе *древней* элегии. Впрочем, не знаю, отпечатаны они или нет. — Соч.

давно не видались! Уже легче, если, по крайней мере, ре-
тивный писец, вместо того чтоб начать:

Милостивый государь NN, —
воскликнет:

.....чувствительный певец,
Тебе (и мне) определен бессмертия венец! —

а потом ограничится объявлением, что читает Дюмарсе, учится азбуке и логике, никогда не пишет ни семо, ни овамо и желает быть ясным!⁷ Душе легче, — говорю, — если он вдобавок не снабдит нас подробным описанием своей кладовой и библиотеки и швабских гусей и русских уток своего приятеля.

Теперь спрашивается: выиграли ли мы, променяв оду на элегию и послание?

Жуковский первый у нас стал подражать *новейшим* немцам, преимущественно Шиллеру. Современному ему Батюшков взял себе в образец двух пигмеев французской словесности — Парни и Мильвуа. Жуковский и Батюшков *на время* стали корифеями наших стихотворцев, и особенно той школы, которую ныне выдают нам за романтическую.

Но что такое поэзия романтическая?

Она родилась в Провансе и воспитала Данта, который дал ей жизнь, силу и смелость, отважно сверг с себя иго рабского подражания римлянам, которые сами были единственно подражателями греков, и решился бороться с ними. Впоследствии в Европе всякую поэзию свободную, народную стали называть романтической. Существует ли в сем смысле романтическая поэзия между немцами?

Исключая Гете, и то только в некоторых, немногих его творениях, они всегда и во всяком случае были учениками французов, римлян, греков, англичан, наконец, итальянцев, испанцев. Что же отголосок их произведений? Что же наша романтика?

Не будем, однако же, несправедливы. При совершенном неведении древних языков, которое отличает, к стыду нашему, всех почти русских писателей, имеющих некоторые дарования, без сомнения, знание немецкой словесности для нас не без пользы. Так, например, влиянию этой обязаны мы, что теперь пишем не одними александринами и четырехстопными ямбическими и хореическими стихами.

Изучением природы, силою, избытком и разнообразием чувств, картин, языка и мыслей, народностию своих творе-

ний великие поэты Греции, Востока и Британии неизгладимо врезали имена свои на скрижалях бессмертия. Ужели смеем надеяться, что сравнимся с ними по пути, по которому идем теперь? Переводчиков никто, кроме наших дюжинных переводчиков, не переводит. Подражатель не знает вдохновения: он говорит не из глубины собственной души, а принуждает себя пересказать чужие понятия и ощущения. Сила? Где найдем ее в большей части своих мутных, ничего не определяющих, изнеженных, бесцветных произведений? У нас все *мечта* и *призрак*, все *мнится*, и *кажется*, и *чудится*, все только *будто бы*, как *бы*, нечто, что-то. Богатство и разнообразие? — Прочитав любую элегию Жуковского, Пушкина или Баратынского, знаешь все. Чувств у нас уже давно нет: чувство уныния поглотило все прочие. Все мы взапуски тоскуем о своей погибшей молодости; до бесконечности жуем и пережевываем эту тоску и наперерыв щеголяем своим малодушием в периодических изданиях *. Если бы сия грусть не была просто риторическою фигурою, иной, судя по нашим Чайльд-Гарольдам, едва вышедшим из пелен, мог бы подумать, что у нас на Руси поэты уже рождаются стариками. Картины везде одни и те же: *луна*, которая — разумеется — *уныла* и *бледна*, скалы и дубравы, где их никогда не бывало, лес, за которым сто раз представляют заходящее солнце, вечерняя заря; изредка длинные тени и привидения, что-то невидимое, что-то неведомое, пошлые иносказания, бледные, безвкусные олицетворения *Труда*, *Неги*, *Покоя*, *Веселия*, *Печали*, *Лени* писателя и *Скуки* читателя; в особенности же — *туман*: туманы над водами, туманы над бором, туманы над полями, туман в голове сочинителя.

Из слова же русского, богатого и мощного, сияются извлечь небольшой, благопристойный, приторный, искусственно тощий, приспособленный для немногих ⁸ язык, ип ре-

* Да не подумают, однако же, что не признаю ничего поэтического в сем сетовании об утрате лучшего времени жизни человеческой — юности, сулящей столько наслаждений, ласкающей душу столь сладкими надеждами. Одно, два стихотворения, озаменованные притом печатью вдохновения, проистекшие от сей печали, должны возбудить живое сочувствие, особенно в юношах, — ибо кто, молодой человек, не вспомнит, что при первом огорчении мысль о ранней кончине, о потере всех надежд представилась его душе, утешила и умилила его?

Но что сказать о словесности, которая вся почти основана на сей одной мысли? — Соч.

lit jargon de coterie *. Без пощады изгоняют из него все речения и обороты славянские и обогащают его *архитравами*, *колоннами*, *баронами*, *траурами*, германизмами, галлицизмами и барбаризмами. В самой прозе стараются заметить причастия и деепричастия бесконечными местоимениями и союзами⁹. О мыслях и говорить нечего. Печатью пародности ознаменованы какие-нибудь восемьдесят стихов в «Светлане» и в «Послании к Воейкову» Жуковского, некоторые мелкие стихотворения Катенина, два или три места в «Руслане и Людмиле» Пушкина.

Свобода, изобретение и новость составляют главные преимущества романтической поэзии перед так называемую классическую позднейших европейцев. Родоначальники сей мнимой классической поэзии более римляне, нежели греки. Она изобилует стихотворцами — не поэтами, которые в словесности то же, что бельцы** в мире физическом. Во Франции сие вялое племя долго господствовало: лучшие, истинные поэты сей земли, например, Расин, Корнель, Мольер, несмотря на свое внутреннее омерзение, должны были угождать им, подчинять себя их условным правилам, одеваться в их тяжелые кафтаны, носить их огромные парики и нередко жертвовать безобразным идолам, которых они называли вкусом, Аристотелем, природою, поклоняясь под сими именами одному жеманству, приличию, посредственности. Тогда ничтожные расхитители древних сокровищ частым, холодным повторением умели оподлить лучшие изображения, обороты, украшения оных: шлем и латы алкидовы подавляли карлов, не только не умеющих в них устремляться в бой и поражать сердца и души, но лишенных под их бременем жизни, движения, дыхания. Не те ж ли повторения наши: *младости* и *радости*, *уныния* и *сладострастия* и те безымянные, отжившие для всего брюзги, которые, — даже у самого Байрона («Child Harold»), надеюсь, — далеко не стоят не только Ахилла Гомерова, ниже Ариостова Роланда, ни Тассова Танкреда, ни славного Сервантесова Витязя печального образа, — которые слабы и недорисованы в «Пленнике» и в элегиях Пушкина, несносны, смешны под пером его *переписчиков*? — Будем благодарны Жуковскому, что он освободил нас из-под ига французской словесности и от управления нами по законам Ла-Гарпова «Лицея» и Баттёва

* маленький кружковый жаргон (франц.). — Ред.

** Белец, или альбинос — белый негр.

«Курса»¹⁰, но не позволим ни ему, ни кому другому, если бы он владел и вдесятеро большим перед ним дарованием, наложить на нас оковы немецкого или английского владычества!

Всего лучше иметь поэзию народную. Но Расином Франция отчасти обязана Еврипиду и Софоклу? — Человек с талантом, подвизаясь на пути своих великих предшественников, иногда открывает области новых красот и вдохновений, укрывшиеся от взоров сих исполинов, его наставников. Итак, если уже подражать, не худо знать: кто из иностранных писателей прямо достоин подражания? Между тем наши живые каталоги, коих *взгляды, разборы, рассуждения* беспрестанно встречаешь в «Сыне отечества», «Соревнователе просвещения и благотворения», «Благонамеренном» и «Вестнике Европы», обыкновенно ставят на одну доску: словесности греческую и — латинскую, английскую и — немецкую; великого Гете и — недозревшего Шиллера; исполина между исполинами Гомера и — ученика его Virгилия; роскошного, громкого Пиндара и — прозаического стихотворителя Горация; достойного наследника древних трагиков Расина и — Вольтера, который чужд был истинной поэзии; огромного Шекспира и — однообразного Байрона! Было время, когда у нас слепо припадали перед каждым французом, римлянином или греком, освященных приговором Ла-Гарпова «Лицея». Ныне благоговеют перед всяким немцем или англичанином, как скоро он переведен на французский язык: ибо французы и по сию пору не перестали быть нашими законодателями; мы осмелились заглядывать в творения соседей их единственно потому, что они стали читать их.

При основательнейших познаниях и большем, нежели теперь, трудолюбии наших писателей Россия по самому своему географическому положению могла бы присвоить себе все сокровища ума Европы и Азии. Фердоуси, Гафис, Саади, Джами ждут русских читателей.

Но недовольно, — повторяю, — присвоить себе сокровища иноплеменников: да создастся для славы России поэзия истинно русская; да будет святая Русь не только в гражданском, но и в нравственном мире первою державою во вселенной! Вера праотцев, нравы отечественные, летописи, песни и сказания народные — лучшие, чистейшие, вернейшие источники для нашей словесности.

Станем надеяться, что наконец наши писатели, из коих особенно некоторые молодые одарены прямым талантом,

сбросят с себя поносные цепи немецкие и захотят быть русскими. Здесь особенно имею в виду А. Пушкина, которого три поэмы, особенно первая, подают великие надежды. Я не обинулся смело сказать свое мнение насчет и его недостатков; несмотря на то, уверен, что он предпочтет оное громким похвалам господина издателя «Северного архива»¹¹. Публике мало нужды, что я друг Пушкина, но сия дружба дает мне право думать, что он, равно как и Баратынский, достойный его товарищ,—не усомнятся, что никто в России более меня не порадуется их успехам!

Сеидам¹² же, которые непременно везде, где только могут, провозгласят меня зоилом и завистником, буду отвечать только тогда, когда найду их нападки вредными для драгоценной сердцу моему отечественной словесности. (Опровержения благонамеренных, просвещенных противников приму с благодарностию; прошу их переслать оные для помещения в «Мнемозину» и наперед объявляю всем и каждому, что любимейшее свое мнение охотно променяю на лучшее. Истина для меня дороже всего на свете!

Впервые — «Мнемозина», 1824, ч. II, М., с. 29—44.

Позднее Кюхельбекер охарактеризовал эту статью как свои «первые военные действия... против элегических стихотворцев и эпистоликов» (см. наст. изд., с. 208). Статья вызвала оживленную полемику, в которой приняли участие Ф. Булгарин, В. Ушаков, А. Воейков, П. Яковлев и др. Материалы этой полемики собраны в книге: П. Н. Сакулин. Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский, т. I, ч. I. М., 1913, с. 249 и след. Ее анализ см. в статье Ю. Н. Тынянова «Архаисты и новаторы» (в его кн.: «Пушкин и его современники». М., «Наука», 1968, с. 23—121). Критические отзывы о современных поэтах Кюхельбекер пояснил в примечании к статье «Письмо в Москву к В. К. Кюхельбекеру» В. Ф. Одоевского: «Здесь кстати считаю заметить, что статья моя «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие», где откровенно, и, может быть, слишком откровенно, говорю свое мнение о сочинениях Жуковского, Пушкина и Баратынского (они все трое друзья мои), — есть знак моего непритворного к ним уважения; ибо в моих глазах строгого разбора стоят сочинения одних людей с талантом; касательно их только заблуждений критика должна просвещать читателей, потому что ошибки Прадонов и Тредьяковских всякому в глаза кидаются» (см.: «Мнемозина», 1824, ч. II, с. 184). См. об этом также статью «Разговор с Булгариным» (наст. изд., с. 197—206).

¹ Ср. восторженную статью Кюхельбекера о поэме С. А. Ширинского-Шихматова «Петр Великий» («Сын отечества», 1825, № 15, ч. 102, с. 257—276; № 16, с. 357—386).

² Пушкин позднее писал: «Tous les genres sont bons, excepté l'ennuyeux» («Все жанры хороши, кроме скучного» (ф р а н ц.)). Хорошо было сказать это в первый раз, но как можно важно повторять столь великую истину? Эта шутка Вольтера служит основанием поверхностной критике литературных скептиков, но скептицизм во всяком случае есть только первый шаг умствования. Впрочем, некто заметил, что и Вольтер не сказал «également bons» («одинаково хороши»

(ф р а н ц.)» (т. 11, с. 54). Таким образом, упоминаемый здесь некто — скорее всего Кюхельбекер.

³ Н.-Ф. Дюпре де Сен-Мор, А. Оже — французские литераторы, приверженцы классицизма.

⁴ Приводится афоризм Буало из «Поэтического искусства»: «Безупречный сонет один стоит длинной поэмы».

⁵ Цитируется ода Ламартина «Энтузиазм»: «Его мирный восторг далек от трагических неистовств, из его плодотворного и чистого порыва протекают, ритмично и размеренно, ручьи млека и меда, и этот малодушный Икар, которому изменило крыло Пиндара, никогда не падает с неба». (Перевод Вл. Орлова.)

⁶ Многочисленные подражатели английского поэта Т. Грея, автора получившей широкую известность «Элегии, написанной на сельском кладбище» (1751). Во второй части «Мнемозины» Кюхельбекер опубликовал этюд «Земля безглавцев», где, в частности, говорится: «Племя аркадийских Греков и Тибуллов особенно велико; они составляют особенный легион. Между тем элегии одного несколько трудно отличить от элегий другого: они все твердят одно и то же, все грустят и тоскуют...» (см. с. 149).

⁷ Имеется в виду послание В. Л. Пушкина «К В. А. Жуковскому» — одно из наиболее запальчивых выступлений карамзинской группы против шишковистов. Сочувствовавший шишковистам Кюхельбекер в своей статье иронически пересказывает стихи В. Л. Пушкина:

Скажи, любезный друг, какая прибыль в том,
Что часто я тружусь день целый над стихом?
Что Кондильяка я и Дюмарсе читаю,
Что логике учусь и ясным быть желаю?..
Не ставлю я нигде ни семо, ни овамо...

Судя по тому, как развивает свою мысль Кюхельбекер, В. Л. Пушкину принадлежат и строки:

...чувствительный певец,
Тебе (и мне) определен бессмертия венец!

Но ни в послании «К В. А. Жуковскому», ни в других стихах их найти не удалось. С. Дюмарсе — французский грамматик XVIII в., участник «Энциклопедии».

⁸ Намек на название сборника В. А. Жуковского «Для немногих» (1818).

⁹ Эти проблемы подробнее обсуждались Кюхельбекером в его парижской лекции (1821). См. ЛН, т. 59, с. 366—380.

¹⁰ «Лицей, или Курс древней и новой литературы» (1799—1805) — многотомный труд французского теоретика классицизма Ж.-Ф. Лагарпа. «Курс литературы» (1750) — работа французского теоретика классицизма Ш. Батте.

¹¹ Имеется в виду Ф. В. Булгарин.

¹² Сеиды — в данном случае фанатические приверженцы какого-либо учения, крайние догматики.